

ПОВЕСТЬ О ГОРЕ И ЗЛОЧАСТИИ, КАК ГОРЕ-ЗЛОЧАСТИЕ
 ДОВЕЛО МОЛОТЦА ВО ИНОЧЕСКИЙ ЧИН

Изволением господа бога и спаса нашего
 Иисуса Христа вседержителя,
 от начала века человеческого.
 А в начале века сего тленного
 сотворил бог небо и землю,
 сотворил бог Адама и Евву,
 повелел им жити во святом раю,
 дал им заповедь божественну:
 и повелел вкушати плода виноградного
 от едемскаго¹ древа великаго.
 Человеческое сердце несмысленно и неумичиво:
 прелстился Адам со Еввою,
 позабыли заповедь божию,
 вкусили плода виноградного
 от дивнаго древа великаго;
 и за преступление великое
 господь бог на них разгневался,
 и изгнал бог Адама со Еввою
 из святаго раю, из едемскаго,
 и вселил он их на землю, на нискую,
 благословил их раститесь — плодитесь
 и от своих трудов велел им сытым быть,
 от земных плодов.
 Учинил бог заповедь законную:

¹ райского.

велел им браком и женитбам быть
для рождения человеческого и для любимых детей.
Ино зло племя человеческо:
вначале пошло непокорливо,
ко отцову учению зазорчиво,
к своей матери непокорливо
и к советному другу обманчиво.
А се роди пошли слабы, добру убожливи,
а на безумие обратилися
и учили жить в суете и в неправде,
в ечерине ¹ великое,
а прямое смирение отринули.
И за то на них господь бог разгневался,—
положил их в напасти великия,
попустил на них скорби великия
и срамныя позоры немерныя,
безживотие ² злое, сопостатныя находы,
злую, немерную наготу и босоту,
и безконечную нищету, и недостатки последние,
все смиряючи нас, наказуя
и приводя нас на спасенный путь.
Тако рождение человеческое от отца и от матери.
Будет молодец уже в разуме, в беззлобии,
и возлюбили его отец и мать,
учить его учили, наказывать,
на добрыя дела наставлявть:
«Милое ты наше чадо,
послушай учения родительскаго,
ты послушай пословицы,
добрыя, и хитрыя, и мудрыя:
не будет тебе нужды великия,
ты не будешь в бедности великой.
Не ходи, чадо, в пиры и в братчины ³,
не садися ты на место бóлшее,
не пей, чадо, двух чар заедину!
еще, чадо, не давай очам воли,
не прелщайся, чадо, на добрых, красных жен,
на отеческия дочери.
Не ложися, чадо, в место заточное ⁴,
не бойся мудра, бойся глупа,
чтобы глупыя на тя не подумали,

---

¹ в распре; ² нищета; ³ пирушки; ⁴ пустынное.

да не сняли бы с тебя драгих порт,
не доспели бы тебе позорства и стыда великаго
и племяни укору и поносу безделнаго!
Не ходи, чадо, х костарем¹ и корчемникам,
не знайся, чадо, з головами кабацкими,
не дружися, чадо, з глупыми — не мудрыми,
не думай украсти-ограбити,
и обмануть-солгать и неправду учинить.
Не прелщайся, чадо, на злато и серебро,
не збирай богатства неправаго,
не буди по́слух² лжесвидетелству,
а зла не думай на отца и мать
и на всякого человека,
да и тебе покрывает бог от всякого зла.
Не безчествуй, чадо, богата и убога,
а имей всех равно по единому.
А знайся, чадо, с мудрыми
и с разумными водися,
и з други надежными дружися,
которыя бы тебя злу не доставили».
Молодец был в то время се мал и глуп,
не в полном разуме и несовершен разумом:
своему отцу стыдно покоритися
и матери поклонитися,
а хотел жити, как ему любо.
Наживал молодец пятьдесят рублей,
залез он себе пятьдесят друзей.
Честь его яко река текла.
Друговя к молотцу прибивалися,
в род-племя причиталися.
Еще у молотца был мил надежен друг —
назвался молотцу названой брат,
прелстил его речми прелесными,
зазвал его на кабацкой двор,
завел ево в ызбу кабацкую,
поднес ему чару зелена вина
и крушку поднес пива пьянова;
сам говорит таково слово:
«Испей ты, братец мой названой,
в радость себе, и в веселие, и во здравие!
Испей чару зелена вина,

---

¹ игрокам в кости; ² свидетель.

запей ты чашею меду сладково!
Хошь и упьешься, братец, допьяна,
ино где пил, тут и спать ложися.
Надейся на меня, брата названова, —
я сяду стеречь-досматривать!
В головах у тебя, мила друга,
я поставлю крушку ишему¹ сладково,
вскрай поставлю зелено вино,
близ тебя поставлю пиво пьяное,
зберегу я, мил друг, тебя накрепко,
сведу я тебя ко отцу твоему и матери!»
В те поры молодец понадеяся
на своего брата названого, —
не хотелся ему друга ослушатца:
принимался он за питья за пьяныя
и испивал чару зелена вина,
запивал он чашею меду слатково,
и пил он, молодец, пиво пьяное,
упился он без памяти
и где пил, тут и спать ложился:
понадеялся он на брата названого.
Как будет день уже до вечера,
а солнце на западе,
от сна молодец пробуждаетца,
в те поры молодец озирается:
а что сняты с него драгие порты,
чиры² и чулочки — все поснимано:
рубашка и портки — все слуплено,
и вся собина³ у его ограблена,
а кирпичек положен под буйну его голову,
он накинута гункою кабацкою,
в ногах у него лежат лапотки-отопочки,
в головах мила друга и близко нет.
И вставал молодец на белы ноги,
учал молодец наряжатися:
обувал он лапотки,
надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тело белое,
умывал он лице свое белое.
Стоя молодец закручинился,
сам говорит таково слово:

---

¹ меду; ² башмаки; ³ собственность.

«Житие мне бог дал великое, —
ясти-кушати стало нечево!
Как не стало денги, ни полу денги, —
так не стало ни друга не полдруга:
род и племя отчитаются,
все дружи прочь отпираются».
Стало срамно молотцу появиться
к своему отцу и матери,
и к своему роду и племяни,
и к своим прежним милым другом.
Пошел он на чюжу страну, далну, незнаему,
нашел двор, что град стоит,
изба на дворе, что высок терем,
а в ызбе идет велик пир почестен,
гости пьют, ядят, потешаются.
Пришел молодец на честен пир,
крестил он лице свое белое,
поклонился чюдным образом,
бил челом он добрым людем
на все четыре стороны.
А что видят молотца люди добрые,
что горазд он крестится,
ведет он все по писанному учению, —
емлють его люди добрыя под руки,
посадили ево за дубовой стол,
не в бóльшее место, не в меньшее, —
садят ево в место среднее,
где седят дети гостиные.
Как будет пир на веселие,
и все на пиру гости пьяны-веселы,
и седя все похваляютца.
Молодец на пиру невесел седит,
кручиноват, скорбен, нерадостен,
а не пьет, ни ест он, ни тешитца
и ничем на пиру не хвалитца.
Говорят молодцу люди добрыя:
«Что еси ты, доброй молодец?
зачем ты на пиру невесел седишь,
кручиноват, скорбен, нерадостен,
пи пьешь ты, ни тешышься,
да ничем ты на пиру не хвалишься?
Чара ли зелена вина до тебя не дохаживала?
или место тебе не по отчине твоей?»

или малые дети тебя избидили?
или глухыя люди немудрыя
чем тебе молотцу насмеялися?
или дети наши к тебе неласковы?»
Говорит им, сидя, доброй молодец:
«Государы вы, люди добрыя!
Скажу я вам про свою нужду великую,
про свое ослушание родительское
и про питье кабацкое,
про чашу медвяную,
про лестное питье пьяное.
Яз как принялся за питье за пьяное,
ослушался яз отца своего и матери, —
благословение мне от них миновалось,
господь бог на меня разгневался
и на мою бедность — великия
многия скорби неисцелныя
и печали неутешныя,
скудость и недостатки, и нищета последняя.
Укротила скудость мой речистой язык,
изъсушила печаль мое лице и белое тело.
Ради того мое сердце невесело,
а белое лице унынливо,
и ясныя очи замутились, —
все имение и взоры у мене изменилися,
отечество мое потерялося,
храбрость молодецкая от мене миновалася.
Государы вы, люди добрыя!
скажите и научите, как мне жить
на чюжей стороне, в чюжих людех,
и как залести мне милых друзей?»
Говорят молотцу люди добрыя:
«Доброй еси ты и разумный молодец!
Не буди ты спесив на чюжой стороне,
покорися ты другу и недругу,
поклонися стару и молоду,
а чюжих ты дел не объявляй,
а что слышишь или видишь, не сказывай,
не лсти ты межь други и недруги,
не имей ты упатки вилавья¹,
не вейся змиєю лукавою,

---

¹ хитрые увертки.

смирение ко всем имей и ты с кротостию,
держишься истинны с правдою, —
то тебе будет честь и хвала великая.
Первое тебе люди отведают
и учнуть ти чтить и жаловать
за твою правду великую,
за твое смирение и за вежество,
и будут у тебя милыя други,
названья братья надежныя!»
И отуду пошел молодец на чюжу сторону,
и учал он жити умеючи.
От великаго разума наживал он живота ¹ болшы
старова,
присмотрил невесту себе по обычаю —
захотелся молотцу жениться.
Средил молодец честен пир
отчеством и вежеством,
любовным своим гостем и другом бил челом.
И по грехом молотцу,
и по божью поущению,
и по действию диаволу
пред любовными своими гостями и други,
и названными браты похвалился.
А всегда гнило слово похвалное,
похвала живет человеку пагуба!
«Наживал-де я, молодец,
живота болши старова!»
Послушало Горе-Злочастие хвастане молодецкое,
само говорит таково слово:
«Не хвались ты, молодец, своим счастием,
не хвастай своим богатством!
Бывали люди у меня, Гора,
и мудрря тебя и досужае,
и я их, Горе, перемудрило,
учинися им злочастие великое,
до смерти со мною боролися,
во злом злочастии позорилися,
не могли у меня, Гора, уехати,
и сами они во гроб вселилися,
от мене накрепко они землею накрылися,
босоты и наготы они избыли,

---

¹ богатства.

и я от них, Горе, миновалось,
а злочастие на их в могиле осталось.
Еще възграяло я, Горе,
к иным привязалось,
а мне, Горю и Злочастию, не впуссте же жити —
хочю я, Горе, в людех жить
и батагом меня не выгонить.
А гнездо мое и вотчина во бражниках!»
Говорит серо Горе-горинское:
«Как бы мне молотцу появиться?»
Ино зло то Горе излукавилось,
во сне молотцу привидялось:
«Откажи ты, молодец, невесте своей любимой:
быть тебе от невесты истравлену,
еще быть тебе от тое жены удавлену,
из злата и сребра бысть убитому!
Ты пойдн, молодец, на царев кабак,
не жали ты, пропивай свои животы,
а скинь ты платье гостиное,
надежи ты на себя гунку кабацкую,
кабаком то Горе избудетца,
да то злое Злочастие останетца:
за нагим то Горе не погонитца,
да никто к нагому не привяжетца,
а нагому-босому шумить розбой!»
Тому сну молодец не поверовал.
Ино зло то Горе излукавилось,
Горе архангелом Гавриилом молотцу
попрежнему явилося,
еще вновь Злочастие привязалося:
«Али тебе, молодец, неведома
нагота и босота безмерная,
легота-безпроторица великая?
На себя что купить — то проторится,
а ты, удал молодец, и так живешь!
Да не бьют, не мучат нагих-босых,
и из раю нагих-босых не выгонят,
а с тово свету сюды не вытепут,
да никто к нему не привяжется —
а нагому-босому шумить розбой!»
Тому сну молодец он поверовал,
сошел он пропивать свои животы,
а скинул он платье гостиное,

надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тело белое.
Стало молотцу срамно появиться
своим милым другом.
Пошел молодец на чужу страну далну-незнаему.
На дороге пришла ему быстра река,
за рекою перевощики,
а просят у него перевозного,
ино дать молотцу нечево,
не везут молотца безденежно.
Седит молодец день до вечера.
Миновался день до вечера, ни дообеднем,
не едал молодец ни полу куса хлеба.
Вставал молодец на скоры ноги,
стоя, молодец закручинился,
а сам говорит таково слово:
«Ахти мне, Злочастие горинское!
до беды меня, молотца, домыкало:
уморило меня, молотца, смертью голодною, —
уже три дни мне были нерадошны;
не едал я, молодец, ни полу куса хлеба!
Ино кинусь я, молодец, в быстру реку —
полощь мое тело, быстра река,
ино еште, рыбы, мое тело белое!
Ино лутчи мне жития сего позорного.
Уйду ли я у Горя злочастного?»
И в тот час у быстри реки
скоча Горе из-за камени:
босо-наго, нет на Горе ни ниточки,
еще лычком Горе подпоясано,
богатырским голосом воскликало:
«Стой ты, молодец; меня, Горя, не уйдеш никуды!
Не мечися в быстру реку,
да не буди в горе кручиноват —
а в горе жить — некручинну быть,
а кручинну в горе погинути!
Спамятуй, молодец, житие свое первое
и как тебе отец говорил,
и как тебе матери наказывала!
О чем тогда ты их не послушал?
Не захотел ты им покориться,
постыдился им поклониться,
а хотел ты жить, как тебе любо есть.

А кто родителей своих на добро учения не слушает,
того выучю я, Горе злостное.
Не к любому он учнет упадывать,
и учнет он недругу покаряться!»
Говорит Злостие таково слово:
«Покорися, мне Горю нечистому,
поклонися мне, Горю, до сыры земли!
А нет меня, Гора, мудря на сем свете!
И ты будешь перевезен за быструю реку,
напоят тя, накормят люди добрыя».
А что видит молодец неминуемо,
покорился Горю нечистому,
поклонился Горю до сыры земли.
Пошел-поскочил доброй молодец
по круту, по красну по бережку,
по желтому песочку.
Идет весел-некручиноват,
утешил он Горе-Злостие,
а сам идучи думу думает:
«Когда у меня нет ничево,
и тужить мне не о чем!»
Да еще молодец некручиноват
запел он хорошую напевочку
от великаго крепкаго разума:
«Безпечална мати меня породила,
гребешком кудерцы розчесывала,
драгими порты меня одеяла
и отшед под ручку посмотрела,
хорошо ли мое чадо в драгих портах? —
а в драгих портах чаду и цены нет!
Как бы до веку она так пророчила,
ино я сам знаю и ведаю,
что не класти скарлату без мастера,
не утешыти детяти без матери,
не бывать бражнику богату,
не бывать костарю в славе доброй!
Завечен ¹ я у своих родителей,
что мне быти белешенку,
а что родился головенкою!» ²
Услышали перевощики молодецкую напевочку,
перевезли молотца за быстру реку,

---

¹ связан с заветным желанием; ² головешкою.

а не взяли у него перевозного,
напоили-накормили люди добрыя,
сняли с него гунку кабацкую,
дали ему порты крестьянские.
Говорят молотцу люди добрыя:
«А что еси ты, доброй молодец,
ты поди на свою сторону,
к любимым честным своим родителем,
ко отцу своему и к матери любимой,
протися ты с своими родители,
отцем и материю,
возми от них благословение родительское!»
И оттуда пошел молодец на свою сторону.
Как будет молодец на чистом поле,
а что злое Горе наперед зашло,
на чистом поле молотца встретило,
учало над молодцем граяти,
что злая ворона над соколом.
Говорить Горе таково слово:
«Ты стой, не ушел, доброй молодец!
Не на час я к тебе, Горе злостное, привязалось!
хощь до смерти с тобою помучуся!
не одно я Горе, еще сродники,
а вся родня наша добрая,
все мы гладкие, умилные!
А кто в семью к нам примешается —
ино тот между нами замучится!
такова у нас участь и лутчая!
Хотя кинся во птицы воздушныя,
хотя в синее море ты пойдешь рыбою,
а я с тобою пойду под руку под правую!»
Полетел молодец ясным соколом,
а Горе за ним белым кречатом.
Молодец полетел сизым голубем,
а Горе за ним серым ястребом.
Молодец пошел в поле серым волком,
а Горе за ним з борзыми вежлецы.
Молодец стал в поле ковыль-трава,
а Горе пришло с косою вострою;
да еще Злостие над молотцем насмисялося:
«Быть тебе, травонка, посеченой,
лежать тебе, травонка, посеченой
и буйны ветры быть тебе развеяной!»

Пошел молодец в море рыбою,
а Горе за ним с щастыми неводами,
Еще Горе злочастное насмеялося:
«Быти тебе, рыбонке, у бережку уловленной,
быть тебе да съеденой,
умереть будет напрасною смертию!»
Молодец пошел пеш дорогою,
а Горе под руку под правую,
научает молотца богато жить,
убити и ограбить,
чтобы молотца за то повесили,
или с каменем в воду посадили.
Спамятует молодец спасенный путь,
и оттоле молодец в монастыр пошел постригаться,
а Горе у святых ворот оставається,
к молотцу впредь не привяжетца!
А сему житию конец мы ведаем.
Избави, господи, вечныя муки,
а дай нам, господи, светлый рай
Во веки веков. Аминь.